

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РУССКИХ КУПЦОВ И ПРОМЫШЛЕННИКОВ В МАНЬЧЖУРИИ Конец XIX — начало XX в.

Ма ЮЦЗЮНЬ,

ведущий научный сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян. Харбин

Русский капитал был направлен главным образом на строительство железных дорог и в пищевую промышленность Северной Маньчжурии, а также на займы китайскому правительству. Кроме того, вывоз капитала в производительной форме вёлся посредством Общества КВЖД. Оно обростало лесными концессиями, мукомольными, свеклосахарными, горнодобывающими и коммерческими предприятиями. Среди них особенно важные: Чжалайнорские угольные копи, Русское мукомольное общество, Акционерное общество золотопромышленников, торговая фирма «Товарищество И.Я. Чурина и К^о».

Имея в виду сравнительно развитое зерновое производство в Маньчжурии, русские предприниматели обратили внимание на мукомольное дело. Местная мукомольная промышленность находилась в стадии зарождения. Зерно мололи в мелких, кустарного типа заведениях. Крупное мукомольное предприятие основал китаец Чжан Пуян в Харбине в 1900 г., вложив в него 400 тыс. юаней. Тогда же появилось и первое русское мукомольное предприятие — мельница первого «Маньчжурского мукомольного товарищества». Она размещалась в здании совмещённой постройки (каменной и деревянной), обшитом железом и оборудованном американскими машинами. Потребность в муке была столь велика, что мельница работала даже во время военных действий. В первый (1900) год она смолола 95 тыс., в 1901 г. — 170 тыс., 1902 г. — 275 тыс. пудов зерна. В 1902 г. «товарищество» начало строить новую каменную мельницу, снабдив её станками новейшей конструкции, выписанными из Швеции; 15 июля того же года она была пущена в ход, перемалывая около 2 тыс. пудов зерна в день¹.

В 1899 г. администрация КВЖД приступила к постройке своей каменной мельницы на берегу р. Сунгари у Харбинской пристани, закончилось

строительство в 1901 г., а в 1902 г. её продали компании русских купцов «Сунгарийское мукомольное товарищество». Мельница вступила в строй с 15 июля 1902 г., перерабатывая ежедневно по 1500 пудов зерна².

Третья мукомольная компания «Маньчжурское мукомольное товарищество», построившая деревянную мельницу тоже на берегу Сунгари, за полосой отчуждения, включала в себя и китайских купцов. Мельница начала свою деятельность в 1903 г., вначале перемалывая 800 пудов зерна в сутки, доведя до 2 тыс. пудов.

Одновременно в Харбине открылась четвёртая мельница (деревянная), которая принадлежала «Русскому мукомольному товариществу», а в 1904 г. на пристани в Харбине (в полосе отчуждения) была построена пятая мельница (каменная), принадлежащая благовещенским купцам Тетюковым.

Мукомольные предприятия открывались и за пределами Харбина — небольшая мельница в г. Ашихэ (200 пудов муки в сутки), в Конченцзы (600 пудов). В г. Имяньпо, Порт-Артуре держал мельницу китайский купец Тифонтай специально для нужд интендантского ведомства (1000 пудов зерна в сутки). Но центром мукомольной промышленности был Харбин. В 1903 г. его мельницы перерабатывали в сутки около 10 тыс., год спустя уже 20 тыс. пудов зерна.

Харбинская мукомольная промышленность представляла фабричное производство, основанное на машинной технической базе. За год оно перерабатывало 6—7 млн. пудов зерна, из которого производилось 4—5 млн. пудов муки и 1,5 млн. пудов отрубей. В Харбине проживало тогда 50 тыс. жителей, которым требовалось 1 млн. пудов муки (из расчёта 20 пудов в год на душу) и около 0,5 млн. пудов отрубей на корм скоту, остальная продукция вывозилась на русский Дальний Восток. До открытия КВЖД большая часть харбинской муки летом вывозилась речным путём в Хабаровск и Николаевск, затем по железной дороге во Владивосток. Там она облагалась ввозной пошлиной, значительно удорожавшей её, но китайская мука могла успешно выдержать конкуренцию.

Мукомольная промышленность в Маньчжурии генетически не могла быть связана с мелким местным производством, она возникла сразу как крупная фабричная индустрия на средства Русско-Китайского банка, который выдавал харбинским мукомолам ссуды под зерно и муку. Держателями акций Русско-Китайского банка являлись и западноевропейские, преимущественно французские банкиры. Таким образом, российский капитализм выполнял типичную «цивилизующую» роль в полукOLONиальной стране, насаждая крупную современную промышленность и втягивая её в мирохозяйственные связи.

Российский капитал энергично вторгся и в винокурение, которое также начиналось с мелкого местного производства, перераставшего в мануфактуру. Основная масса винокуренных заведений мануфактурного типа сосредоточивалась в северном и западном районах провинции Гирин и на юге провинции Хэйлунцзян. Например, сибирские предпринима-

тели строили винокуренные заводы в Старом и Новом Харбине и Фуляэрд³. Российский капитал способствовал развитию в винокурении, как и в мукомольном деле, промышленности европейского типа. Это относится к периоду постройки КВЖД. В 1900 г. был основан винокуренный завод в Нингуте компанией «Шильников и Кузнецов», в том же году инженер Чайковский приступил к постройке завода в старом Харбине. В 1903—1904 гг. в Харбине был построен ещё один крупный завод, известный под названием «Сприженка»⁴.

Продукция винокуренных заводов шла главным образом на внутренний маньчжурский рынок. Её потребителями было пришлое русское население: промышленные и железнодорожные рабочие, служащие. По каналам контрабандной торговли вино поступало на угольные копи, рудники и золотые прииски, вытесняя привозные из России более дорогие напитки. Росло потребление его и местным населением. Являясь более дешёвыми, спирт и водочные изделия вывозились в города и посёлки русского Дальнего Востока.

С экспортом российского капитала связано также развитие в Маньчжурии производства растительного масла. Первые сравнительно крупные маслобойные мануфактуры, специализировавшиеся на производстве масла из конопляного семени и соевых бобов, появились в 70-х гг. XIX в. Они принадлежали предпринимателям из местных купцов, базировались на примитивной ручной технике и были рассчитаны на удовлетворение мелкого местного спроса. С постройкой КВЖД экономическая ситуация резко изменилась. Рост населения, развитие современного транспорта привели к образованию ёмкого регионального рынка и значительно расширили экспортные возможности края, что вызвало к жизни крупные производства. Это быстро оценил иностранный капитал. В Маньчжурии строились маслодельные предприятия фабрично-заводского типа, они сосредоточивались в промышленной полосе по обеим сторонам КВЖД и вблизи морских портов. Началось применение пара при обработке бобов в Маньчжурии в конце XIX в., когда английская фирма «Butltr Field and Swive» открыла паровой маслобойный завод в Инкоу⁵.

В провинции Хэйлуцзян находились маслобойные заводы, перерабатывавшие бобы, горох, кунжут, конопляные и арбузные семена и всё, что могло дать маслянистую продукцию. Они размещались, главным образом в Суйланьхайском даотайстве. В 1901 г. в Ханькоуской, Сухунской областях и Вянском округе насчитывалось 306 маслобойных заводов, принадлежавших местным и иностранным предпринимателям и фирмам. Среднегодовое производство всех заводов оценивалось в 11 млн. ганов масла и 3 млн. жмыхов. Сумма их годового оборота составляла 899,6 тыс. рублей⁶.

Российский капитал, опираясь на прямую поддержку властей в Петербурге и правительственных агентов в Китае, занимал ключевые позиции в промышленности Маньчжурии, в том числе и маслобойной. В исследуемый период маслобойное производство среди отраслей, опекаемых

российским капиталом в Северном Китае, прочно занимало второе место, уступая первенство только мукомольной промышленности.

В Северной Маньчжурии русские предприниматели владели предприятиями и других отраслей (макаронные, мыловаренные, кожевенные, свечные, кирпичные, бумажные, скорняжные, табачные и др.). Как правило, это были заведения мелкотоварного (ремесленного) и реже — мануфактурного типа, что свидетельствовало об участии в колонизации Маньчжурии не только крупного, но и мелкого промышленного и торгового капитала России, который не только конкурировал, но и сотрудничал с таким же мелким туземным капиталом. В них было занято обычно по 3 местных и русских рабочих. В окрестностях Ашихэ, например, насчитывалось до 200 кирпичных заводов, на которых трудилось около тысячи рабочих⁷. Основная масса мелких заведений сосредоточивалась в провинции Хэйлунцзян. В 1901 г. здесь работало 32 кожевенных завода, среднегодовое производство которых составляло 20,8 тыс. шт. кож, а годовой оборот — 114 тыс. руб.; 30 свечных заводов с годовым производством в 120 тыс. гипов и оборотом в 21,6 тыс. руб.; 15 бумажных, 8 меховых, 86 вермишелевых заводов. Их продукция целиком потреблялась местным рынком.

Российский капитал принял деятельное участие в эксплуатации горных богатств Маньчжурии. В период изыскательских работ по определению трассы КВЖД (1896—1899 гг. и 1901 г.) было найдено несколько месторождений угля и других полезных ископаемых. Крупным угольным месторождением явилось Чжалайнорское, простиравшееся от северо-западного берега оз. Джалай Нор до р. Аргуни. Открыто оно было инженером Н. Бронниковым в 1901 г. Возникшие на этом месте угольные копи КВЖД стали основным поставщиком угля для западной части дороги, а также для населённых пунктов и предприятий этого района. На основании разведок в 1904 г. приступили к разработке «Копи Бронникова», расположенной у линии КВЖД, к югу от Чжалайнора, которая производилась преимущественно в ряде неглубоких шахт.

В 1901—1902 гг. компания КВЖД вошла в соглашение с китайским правительством относительно разработки каменноугольных копей в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях. До 1904 г. добыча угля в этих копиях производилась в небольших размерах, так как железная дорога имела уголь превосходного качества с Чантуфусских и Янтайских копей. В 1903 г. в Джалайнорских копиях добыли всего около 1 млн. пудов угля, который обходился дороге около 6 коп. за пуд и был в 2—2,5 раза дешевле дров.

По соглашению дорога получила право разработки каменноугольных копей на расстоянии 30 вёрст по обе стороны линии. В случае появления претендентов на разработку копей вне этой полосы (оговаривалось в соглашении) за дорогой сохранялось преимущественное право. Китайское правительство должно было извещать компанию всякий раз, когда у него будут просить позволение на разработку копей другие претенденты. Если же компания КВЖД будет вести разработку копей вне указан-

ной полосы, то китайскому правительству должна уплачиваться известная потонная плата за выработанный уголь⁸.

По этим условиям русские предприниматели начали разработки Яньтайских и Фушунских копей на юге Маньчжурии. Эксплуатация Фушунских копей началась в 1901 г., капитал этого частного предприятия составлял 223 776 юаней. В 1901 г. были открыты Яньтайские копи (капитал 81 119 юаней), а также Вэйминшанские копи (27 972 юаней). Разработку вело смешанное русско-китайское предприятие⁹.

Крупное железнодорожное, промышленное и жилищное строительство, развёрнутое российскими предпринимателями в Маньчжурии, вызвало громадный спрос на лес и другие строительные материалы. Общество КВЖД и его филиалы опять-таки при содействии русских властей получили обширные лесные концессии в регионе. К началу XX в. русские частные лесные концессии располагали подъездными и шоссейными дорогами, лесоперерабатывающими предприятиями и являлись не только крупными поставщиками лесоматериалов для нужд железных дорог, предприятий и городов Маньчжурии, но и основными лесоэкспортёрами из этого края. В 1901 г. в г. Харбине был построен лесопильный завод и крупная инструментальная мастерская.

В 1903 г. открылась главная контора «Русского промышленного товарищества» в Порт-Артуре и 9 местных отделений. Компания с капиталом 2 млн. руб. получила лесную концессию, ей принадлежал лесопильный завод. Она поставляла лесоматериалы для фушунских угольных копей, занималась организацией судоходства по р. Ялуцзян, создавала торговые и промышленные предприятия.

Особый интерес для российского капитала представляла золотопромышленность Маньчжурии, богатой золотом. Предоставление эксплуатации золотых россыпей исключительно русским промышленникам имело для них помимо чисто экономических и выгоды политические, давая возможность обосновать по всей Маньчжурии русские уголки. Поэтому в 1900 г. командующий войсками Приамурского округа поднял вопрос о необходимости правильной постановки дела по эксплуатации золотых районов Маньчжурии, для чего признавал нужным произвести предварительное исследование через командированных Министерством земледелия и государственных имуществ специалистов. Это предложение не осуществилось, и дело о разработке месторождений золота и других ископаемых в Северной Маньчжурии разрешилось соглашениями чиновников МИД России с гириными. Золотопромышленники работали в благоприятных политических условиях, русская оккупация края ставила их в такое же положение, как и русских золотопромышленников в Амурской области.

В годы оккупации русскими войсками Маньчжурии проникновение российского капитала в золотопромышленность Маньчжурии шло высокими темпами. Наиболее активную роль в этом играл коллежский асессор Николай Вениаминович Асташев. В 1899 г. по его ходатайству МИД

поручило русскому посланнику в Пекине, действительному статскому советнику Гирсу оказать возможное содействие в получении на его имя от китайского правительства концессии на разработку золотых россыпей в Северной Маньчжурии.

Н.В. Асташев сам ездил в Пекин, вёл переговоры при посредстве русской миссии с Цзунли ямынем (Посольский приказ). Но китайское правительство тогда решительно отказалось удовлетворить его требование. Китайские министры возражали на том основании, что по законам империи к недрам земли в Китае могут допускаться лишь такие общества, во главе которых стоят китайские подданные, участие их в деле должно превышать 50%. Ссылались на общие законы империи, по которым дарование всяких концессий зависит от местных властей — губернаторов, генерал-губернаторов и заменяющих их лиц. Цзунли ямыню (Посольскому приказу) принадлежит лишь окончательное их утверждение, что принято разрабатывать месторождения во вверенной его управлению провинции при помощи китайских капиталистов. Ввиду такого ответа Асташев, по совету посланника Гирса и управляющего Русско-Китайским банком С.С. Покатилова, выехал в Маньчжурию, чтобы во что бы то ни стало добиться желаемой концессии и получить охранный лист и другие документы.

4 октября Асташев из Владивостока прибыл в Цицикар, где провёл переговоры с цзяньцзюнем, который отказал ему в просимой концессии, причём мотивом к отказу выставил новый закон, не допускавший образования в Китае обществ для эксплуатации недр земли без видной, даже преобладающей доли участия в них китайского капитала. Через 4 дня предприниматель прибыл в Благовещенск, где и приступил к составлению компании с китайцами во главе. Это ему удалось при посредстве местного золотопромышленника, полковника в отставке Рубинова. Договор на эксплуатацию речной долины Копа с купцами Юн Хогунем и Цзи Шичаном, предоставлявший им всего 5% доли участия, был засвидетельствован по русскому горному уставу.

Чтобы регулировать золотопромышленность в Северной Маньчжурии, 10 июля 1901 г. был заключён договор в Цицикаре между губернатором Хэйлунцзянской провинции Сабао и чиновником МИД России Кратковым относительно производства русскими подданными разведок и разработки золота, железа, каменного угля и других минералов в провинции Хэйлунцзян, утверждённый затем в Пекине.

Русским подданным разрешалось производить разведку и добычу золота на основании свидетельства, выданного цзяньцзюнем, по рекомендации чиновника МИДа России. Право поисков сохранялось в течение двух лет. В случае нахождения месторождений золота, открывший получает преимущественное право на приобретение концессии через чиновника того же МИДа. За частные земли золотоискатели давали вознаграждение владельцам из собственных средств и возмещали им убытки. С валовой добычи золота в китайскую казну должно было поступать 15%,

что же касается других минералов, то размер отчисления из их добычи устанавливался каждый раз по особому соглашению. Договор этот касался только новых месторождений золота в бассейне р. Нонни, от её истоков до Цицикара, и по левому берегу Сунгари со всеми её притоками от Хуланчена до устья р. Дулу, правый же берег р. Сунгари относился к Гирьской провинции.

На разработку казённых золотых приисков в Хэйлунцзянской провинции (Мохэских, Гуаньшеньских и др.), а также частных приисков по рекам Куаньхэ и Дулухэ полагалось особое правительственное соглашение в Пекине.

Главным заведующим горнопромышленными делами в Маньчжурии состоял чилийский генерал-губернатор Юань Шикай, и все договоры проходили через него. Остальные акты представляли собой предварительные соглашения с местными властями и не имели бесспорного юридического значения. По таким предварительным соглашениям в 1901 г. были выданы разведочные свидетельства следующим лицам.

1. Доверенному Асташева Шабалину — по правому берегу р. Нонни с притоками от р. Мэргеня до г. Цицикара.
2. Доверенному Чернавину, управляющему делами великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, дворянину Козарину по левому берегу Сунгари с притоками от р. Валан до устья р. Дулу.
3. Представителю объединённой акционерной компании К. Сабашинскому по р. Нонни с правыми и левыми притоками от истока до Мэргеня.
4. Коллежскому ассесору Асташеву по правому берегу Аргуни и Амура от р. Быстрой до бассейна р. Камары.
5. Графу Апраксину, гвардии штаб-капитану Попову и купцу Емельянову (Северо-Маньчжурская золотопромышленная компания) — по правому берегу Амура, от бассейна Кумары до г. Айгуня (за исключением долины р. Куань или Гон).
6. Российскому золотопромышленному обществу (переименовано в Маньчжурское горнопромышленное товарищество) — по правому берегу Сунгари от устья до р. Дулу.
7. Верхнеамурской золотопромышленной компании — по правому берегу Аргуни и её притокам, от озера Далай Нор до бассейна р. Быстрой.
8. Верхнеамурской золотопромышленной компании — по левому берегу Нонни с притоками слева от Мэргеня до г. Цицикара, а по левому берегу Сунгари и её притоками от р. Хулан до р. Балан (без указания срока).
9. Соединённой акционерной компании — по правому берегу Амура с притоками от Айгуна до р. Уйхэ.
10. Чернавину в компании с китайскими подданными Цзин Лиюанем и Шэ Дэчаном — по бассейнам рек Ялу и Чол (последняя от верховья до монгольской границы).

В соглашении по поводу выдачи свидетельства обусловлено, что в случае, если начнётся эксплуатация месторождений золота, от валовой добычи 15% должно отчисляться в китайскую казну и 2% чистой прибыли в виде поземельной пошлины для удовлетворения частновладельческих претензий. Кроме того, в свидетельстве Чернавину было отмечено: отчислять 3% чистой прибыли в пользу русско-китайской школы в Хэйлунцзянской провинции.

«Маньчжурское горнопромышленное товарищество» пробными работами добыло в течение лета 1902 г. 22 фунта золота в Гуань Иншане, Тай Пигоу, Тай Пинчжан, Сан Дао Гоу, Хуа Пигоу, Хо Ша Гоу, Сяо Багоу и в Помпеевке. Эксплуатация приисков началась в декабре того же года, когда на службе у товарищества состояло 503 золотничных рабочих и 15 шурфовых.

На концессии Северо-Маньчжурской золотопромышленной компании в 1902 г. было обнаружено золото в системах рек Чихацзы, Фабира, Мудачи и Гон с содержанием золота от 20 долей до 12 золотников на 100 пудов песка. В то же время высокопробное золото было найдено компанией графа Апраксина и Емельянова в бассейне р. Камары. По поводу же участка Н.В. Асташева возникли большие недоразумения вследствие того, что русское свидетельство, данное Асташеву Кратковым, оказалось не согласованным со свидетельством, выданным хэйлунцзянским цзяньцзюнем. Между тем доверенный Н.В. Асташева Шавлин, основываясь на свидетельстве Краткова, затратил большие деньги на разведку этого участка.

Остальные русские золотопромышленники не проявляли активности и больше заботились о том, кому бы повыгоднее перепродать свои прииски. А некоторые были не прочь воспользоваться и чужим участком, чтобы его продать. Например, золотопромышленная компания Асташева продала Маньчжурскому горнопромышленному обществу концессию на право разведки и разработки золота (в местности Гоу и в бассейне верхнего течения р. Сунгари). По договорённости общество должно было уплатить последнему по 200 руб. с пуда золота.

Русские золотые прииски имелись также в Гиринской провинции. Представитель русского правительства и здесь успел заключить ряд соглашений о разведке и переработке золота, воспользовавшись событиями 1900 г. в Китае. 5 мая 1901 г. было заключено соглашение о предоставлении русским подданным права на развитие и разработку приисков и копей в Гиринской провинции между чиновником русского МИДа и цзяньцзюнем Чаном, по которому право разработки приисков и копей предоставлялось только русским и китайским подданным, образующим для этой цели акционерные компании. В соглашении указано, что Русско-Китайский банк также может воспользоваться этим правом наряду с другими русскими и китайскими подданными (ст. 1). Соглашение обязывало отчислять 15% с валовой добычи золота и серебра в пользу китайской казны (ст. 2).

Свидетельство для производства разведок давалось на один год. Если по истечении года от назначенного лица никакого заявления о результате разведок не поступало, то право на дальнейшие изыскания у него отнималось и могло быть передано другим лицам. По соглашению во главе каждого прииска должен был находиться китайский чиновник. При закупке в Китае материалов, нужных для приисков, должна была уплачиваться соответствующая пошлина; русские же товары, привозимые исключительно для надобностей приисков, и служащие от пошлины освобождались.

Соглашение строго воспрещало русским и китайским подданным самовольную тайную разработку золотых приисков и каменноугольных копей; виновные подлежали строгому наказанию. Со всеми заявлениями относительно разведок и разработки приисков русские подданные обязаны были обращаться к чиновнику МИДа в Маньчжурии, который сообщал об этом гириному цзяньцзюню или в цзяо шэ цзунь цзуй (Главное управление по внешним сношениям). На таких условиях 13 мая 1901 г. было заключено соглашение между гириным цзяньцзюнем Чаном и чиновником МИДа России Кратковым относительно разведок и разработки золота в местности Цяпингоу, в Нингутинском и Хуньчунском фудутунствах. Этим соглашением разрешалась разведка месторождений золота русскому золотопромышленнику Асташеву и доверенным его лицам в местности Цяпингоу, а также Хуньчунском и Нингутинском фудутунствах, причём для эксплуатации Цяпингоуских приисков должна быть создана акционерная компания, 80% акций которой предоставлялись Асташеву, остальные 20% — китайцам.

На прииски, отданные указом китайского императора его подданным, разрешалось принимать русских к их разработке по желанию китайских владельцев. По соглашению (ст. 2) было создано акционерное общество Цяпингоуских золотых рудников; его устав был высочайше утверждён 3 июля 1903 г.

В Шэньцзинской провинции русские получили право на разведку и разработку шестнадцати известных месторождений. Это право было реализовано Русско-Китайским банком в форме частных соглашений с несколькими китайскими предпринимателями, на имя которых были выданы по представлению пекинского МИДа разрешения, кроме того, они были связаны с банком ссудами и особыми контрактами.

Золотая лихорадка в Маньчжурии, особенно в Шэньцзинской провинции, как и повсюду в аналогичной ситуации, сопровождалась появлением и широким распространением частных артелей и одиночек-стартелей, действовавших на свой страх и риск. Они захватили сначала все возможные золотоносные земли в пределах Квантунской области, а затем перенесли свою деятельность на юг и юго-восток Шэньцзинской провинции.

Первые пробные шаги в этом отношении были сделаны официально при посредстве горного техника инженера Пузанова при главном

начальнике Квантунской области. Он в докладах своему начальнику генерал-лейтенанту Волкову представил прошения русских старателей о выдаче им дозвоительных свидетельств на право разведок и добычи горных ископаемых в Мукденской провинции. Тот снёсся с китайской провинциальной администрацией, но цзяньцзюнь отказался удовлетворить просьбу, ссылаясь на новые горные правила. После этого старатели стали действовать самостоятельно, втайне от русских и китайских властей. Район действия этих «хищников» (как их величали официальные власти и тогдашняя пресса) начинался в 40—50 верстах от полосы отчуждения железной дороги и распространялся на восток — в Фучжусский, Хайчэнский и Ляоянский округа, где к 1904 г. ими уже было застолблено до 20 разного рода месторождений.

До русско-японской войны российские инвестиции в Китае составляли 479,6 млн. руб., в том числе 10,6% китайских государственных облигаций держалось в руках российских фирм. С точки зрения географического распределения, удельный вес инвестиции на Северо-Востоке Китая и Монголии составлял 88,4% от общего числа российских инвестиций и 98,8% — от фирменного бизнеса.

В конце XIX — начале XX в. российский капитал в Маньчжурии способствовал созданию современного капиталистического способа производства в процессе развития экономики в Северо-Восточном Китае.

- ¹ Мукомольное дело в Маньчжурии // Харбинский вестник. 1903. № 45. 24—25 сент.
- ² Митинский А.Н. Мукомольное производство Маньчжурии: Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911. С. 69.
- ³ А.В. Старцев, Ю.М. Гончаров. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 106.
- ⁴ Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД.; Сурин В.И. Обрабатывающая промышленность Северной Маньчжурии // Экономический обзор. Харбин, 1925. С. 6.
- ⁵ Северная Маньчжурия и КВЖД. Харбин, 1922. С. 443—444.
- ⁶ Добровольский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии: Краткий очерк географии, путей сообщения, населения, административного и экономического положения. Харбин, 1906. С. 188.
- ⁷ Новиков Н. Альчужаское футудунство // Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т. 10. С. 70.
- ⁸ По Маньчжурии // Восточный вестник. 1903. 18 сент.
- ⁹ История экономического развития Китая. 1840—1948 гг.: сб. стат. материалов. М., 1958. С. 108.

SUMMARY: The author of the article “Business undertakings of the Russian merchants and industrialists in Manchuria. The end of the XIXth—the early XXth cc.” — is a leading scientific worker of the Institute of Russia of Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province. Ma Yujiun, basing on figures and historical facts, reveals this interesting theme: that is how at the end of the XIXth—the early XXth cc. the Russian capital was contributing to the creation of modern capitalist mode of production while developing the economy of North East China.